Утвержден президиумом
Арбитражного суда
Уральского округа
16.02.2026

Обзор судебной практики по делам, рассмотренным Арбитражным судом Уральского округа в IV квартале 2025 года[1]

Споры, связанные с применением гражданского законодательства — стр. 2–16 (№ 1–7)

Споры, связанные с применением законодательства о банкротстве и корпоративного законодательства — стр. 16–38 (№ 8–17)

Рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений — стр. 38–41 (№ 18–19)

Споры, связанные с применением процессуального законодательства — стр. 42–43 (№ 20)

[1] Обзор составлен по состоянию на 31.12.2025 и, поскольку включает в себя судебные акты, принятые Арбитражным судом Уральского округа в указанном квартале 2025 года, в дальнейшем необходима актуализация обозначенных правоприменительных подходов с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации.

Споры, связанные с применением гражданского законодательства

При рассмотрении спора о взыскании задолженности по договору поставки тепловой энергии, теплоносителя для компенсации потерь в тепловых сетях, являющемуся технологически и юридически связанным с договором оказания услуг по передаче тепловой энергии, судам необходимо исследовать вопрос о возможности сальдирования встречных денежных обязательств сторон по указанным договорам и оценивать порядок зачета взаимных обязательств с учетом правил погашения требований по однородным обязательствам, в том числе при недостаточности суммы встречного требования.

1. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.10.2025 № Ф09-3437/25 по делу № А60-67168/2024.

Часть 4 статьи 15 Федерального закона от 27.07.2010 № 190 «О теплоснабжении»[2]*;*

пункт 1 статьи 319.1 Гражданского кодекса Российской Федерации[3].

Между единой теплоснабжающей организацией и теплосетевой организацией заключены два взаимосвязанных договора:

договор оказания услуг по передаче тепловой энергии (договор № 1), по которому теплосетевая организация обязалась обеспечить передачу тепловой энергии и теплоносителя по своим сетям до потребителей единой теплоснабжающей организации, а последняя – оплатить эти услуги. По условиям договора потери в сетях подлежали компенсации теплосетевой организацией путем производства или приобретения тепловой энергии, в том числе у единой теплоснабжающей организации;

договор поставки тепловой энергии, теплоносителя в целях компенсации тепловых потерь (договор № 2), по которому единая теплоснабжающая организация обязалась поставить теплосетевой организации необходимое для компенсации этих потерь количество ресурса, а теплосетевая организация – оплатить эти услуги.

Оба договора предусматривают возможность прекращения обязательств зачетом встречных однородных требований.

Единая теплоснабжающая организация, ссылаясь на то, что после проведения взаимозачета требований у тепловой организации остался неоплаченным долг по договору № 2, обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании долга и законной неустойки.

Суды первой и апелляционной инстанций, исходя из доказанности поставки тепловой энергии, теплоносителя и отсутствия доказательств их полной оплаты, исковые требования удовлетворили. При этом суды отклонили доводы ответчика о зачете встречных требований, указав, что на момент получения единой теплоснабжающей организацией заявления о зачете

[2] Далее – Закон о теплоснабжении.
[3] Далее – ГК РФ.

у теплосетевой организации отсутствовало субъективное право требования к единой теплоснабжающей организации по договору № 1, поскольку встречное требование единой теплоснабжающей организацией было зачтено ранее по его же заявлению.

Суд округа с выводами нижестоящих судов не согласился и направил дело на новое рассмотрение, указав на следующее.

В силу технологических особенностей процесса транспортировки тепловой энергии ее часть расходуется при передаче по тепловым сетям, не доходя до конечных потребителей, в связи с чем не оплачивается последними и относится к потерям теплосетевой организации, во владении которой находятся тепловые сети.

В связи с этим законодатель в статьях 13, 15 Закона о теплоснабжении предусмотрел приобретение теплосетевыми организациями тепловой энергии (мощности), теплоносителя в объеме, необходимом для компенсации потерь тепловой энергии в тепловых сетях таких организаций, у единой теплоснабжающей организации на основании договоров поставки тепловой энергии (мощности) и (или) теплоносителя. На неразрывную связь расчетов за услуги по передаче тепловой энергии и за потери, возникшие при передаче, указывают и положения части 4 статьи 15 Закона о теплоснабжении, согласно которым теплоснабжающие организации, в том числе единая теплоснабжающая организация, и теплосетевые организации в системе теплоснабжения обязаны заключить договоры оказания услуг по передаче тепловой энергии и (или) теплоносителя в объеме, необходимом для обеспечения теплоснабжения потребителей тепловой энергии с учетом потерь тепловой энергии, теплоносителя при их передаче.

В рассматриваемом случае это единство подчеркивается включением условия о покупке тепловой энергии для компенсации потерь как в договор № 1, так и в договор № 2, а также совпадением расчетного периода (календарный месяц) по обоим договорам.

При таких обстоятельствах с учетом правовой позиции, изложенной в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2020 № 302-ЭС20-1275, от 26.12.2022 № 304-ЭС17-18149(15), судам следовало рассмотреть вопрос о сальдировании взаимных обязательств, возникших из единого технологического процесса передачи тепловой энергии, и определения размера завершающей обязанности одной стороны в отношении другой. Игнорирование данного аспекта привело к неполному исследованию обстоятельств дела.

При новом рассмотрении дела судам необходимо также дать правовую оценку доводам ответчика относительно необходимости применения положений статей 319, 319.1 ГК РФ к отношениям сторон, связанным с зачетом встречных требований.

Как следует из названных норм, в случае недостаточности исполненного должником для погашения всех однородных обязательств перед кредитором должник вправе определить, какой именно долг погашается соответствующим

платежом, а кредитор при наличии такого указания не вправе, вопреки этим указаниям, относить платеж к интересующему кредитора обязательству (определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.05.2024 № 305-ЭС23-6292(3,4)).

С учетом изложенного при оценке заявлений сторон спора о зачете встречных однородных требований судам необходимо определить активное и пассивное требование, момент их способности к зачету, достаточность суммы заявленного истцом требования для прекращения зачетом всех встречных однородных обязательств ответчика, а также оценить момент извещения ответчиком истца о том, какое требование истца (долг ответчика) подлежит прекращению зачетом встречных денежных требований, и своевременность его подачи истцу, соотнести указанный момент со сроком исполнения взаимных обязательств сторон спора по договорам № 1 и 2.

Без исследования указанных обстоятельств вывод судов о том, что заявление ответчика о зачете не повлекло правовых последствий и зачет не может быть совершен с учетом позиции ответчика по погашаемому долгу, является преждевременным.

Наличие договора аренды муниципальных объектов электросетевого хозяйства, заключенного с третьим лицом, не является основанием для отсрочки их передачи в безвозмездное владение и пользование системообразующей территориальной сетевой организации.

2. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.12.2025 № Ф09-4021/25 по делу № А71-453/2025.

Статья 407 ГК РФ;

пункт 7 статьи 46.4 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[4].

Общество, обладающее статусом системообразующей территориальной сетевой организации на территории субъекта Российской Федерации, обратилось в арбитражный суд с требованием к органу местного самоуправления, являющемуся собственником объектов электросетевого хозяйства, об обязании заключить договор о передаче указанных объектов в безвозмездное владение и пользование. При этом спорные объекты включены в утвержденный уполномоченным органом субъекта Российской Федерации перечень объектов, подлежащих передаче системообразующей территориальной сетевой организации на территории субъекта Российской Федерации. Основанием для иска послужил отказ ответчика от принятия направленной ему оферты истца, мотивированный тем, что спорные объекты в данный момент переданы в аренду иной сетевой организации.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворил частично, включив в условия договора положение о том, что права владения и пользования объектами, переданными в аренду третьему лицу, переходят

[4] Далее – Закон об электроэнергетике.

к истцу по истечении срока действия соответствующих договоров аренды. Суды исходили из отсутствия в законодательстве прямого запрета на сдачу муниципального электросетевого имущества в аренду и из невозможности досрочного прекращения таких договоров по общим правилам гражданского законодательства.

Суд кассационной инстанции судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение, указав следующее.

Пунктом 7 статьи 46.4 Закона об электроэнергетике предусмотрено, что объекты электросетевого хозяйства, находящиеся в государственной или муниципальной собственности и включенные в установленный перечень, подлежат передаче в безвозмездное владение и пользование системообразующей территориальной сетевой организации. В качестве исключения, откладывающего такую передачу, закон называет случаи, когда объекты обременены договорами концессии или соглашениями о государственно-частном (муниципально-частном) партнерстве; данные объекты передаются по окончании действия указанных договоров (соглашений). Иных видов обременений, в том числе договоров аренды, как оснований для непередачи объектов системообразующей территориальной сетевой организации законом не установлено.

Приведенное законоположение устанавливает самостоятельное основание для прекращения права владения и пользования объектами электросетевого хозяйства и передачи их системообразующей территориальной сетевой организации, что соотносится с нормами статьи 407 ГК РФ о прекращении обязательств по основаниям, предусмотренным законом.

Таким образом, выводы судов первой и апелляционной инстанций относительно невозможности передачи истцу как системообразующей территориальной сетевой организации спорных объектов электросетевого хозяйства ранее срока истечения действия соответствующих договоров аренды, заключенных с третьим лицом, и, как следствие, об урегулировании возникших между сторонами разногласий с включением в договор условия о том, что в отношении объектов, переданных в аренду третьим лицам, права владения и пользования передаются системообразующей территориальной сетевой организации по истечении срока действия соответствующих договоров аренды муниципального имущества, основаны на неверном толковании приведенных норм материального права, что является самостоятельным основанием для отмены обжалуемых судебных актов.

Кроме того, суд округа отметил, что при новом рассмотрении дела судам исходя из положений статьи 173 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[5], пункта 4 статьи 445 ГК РФ следует исследовать вопросы о достижении между сторонами соглашения относительно содержания иных условий договора безвозмездного владения и пользования и наличии в проекте договора существенных условий, предусмотренных законом.

[5] Далее – АПК РФ.

Восстановление подачи газа после устранения аварийной ситуации является составной частью аварийно-диспетчерского обеспечения внутридомового и внутриквартирного газового оборудования в многоквартирном доме, расходы на которое учтены при формировании тарифов на транспортировку газа и включены в розничную цену на газ, реализуемый населению.

3. Постановления Арбитражного суда Уральского округа от 23.09.2025 № Ф09-2921/25 по делу № А60-39725/2024, от 24.09.2025 № Ф09-3456/25 по делу № А60-70243/2024.

Пункты 2, 7 Правил пользования газом в части обеспечения безопасности при использовании и содержании внутридомового и внутриквартирного газового оборудования при предоставлении коммунальной услуги по газоснабжению, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 14.05.2013 № 410[6]*;*

ГОСТ Р58095.4-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы газораспределительные. Требования к сетям газопотребления. Часть 4. Эксплуатация, утвержденный приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31.03.2021 № 176-ст[7]*.*

Газораспределительная организация, получив обращения о наличии запаха газа в многоквартирных домах, приостановила подачу газа во избежание возникновения аварийной ситуации, а после проведения обследования внутридомовых газовых сетей по обращению управляющей организации осуществила повторный пуск газа, выставив счета за восстановление газоснабжения. Управляющая организация, полагая, что данная услуга относится к аварийно-диспетчерскому обеспечению газового оборудования, расходы на которое уже включены в состав платы за газ, отказалась от оплаты выставленных счетов, что явилось основанием для обращения газораспределительной организации в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворил, указав, что возобновление подачи газа после устранения аварийной ситуации не входит в состав работ по аварийно-диспетчерскому обеспечению газового оборудования и подлежит оплате управляющей организацией как самостоятельная услуга.

Суд округа признал такие выводы ошибочными, судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение, исходя из следующего.

Согласно пункту 2 Правил № 410 аварийно-диспетчерское обеспечение представляет собой комплекс мер, направленных на предупреждение и локализацию аварий в процессе эксплуатации внутридомового и внутриквартирного газового оборудования, с целью предотвращения угрозы жизни, здоровью граждан и причинения вреда имуществу. Абзац третий пункта 7

[6] Далее – Правила № 410.
[7] Далее – ГОСТ Р58095.4-2021.

названных Правил возлагает осуществление аварийно-диспетчерского обеспечения на газораспределительные организации, действующие в рамках и во исполнение законодательства Российской Федерации.

Как следует из системного толкования пункта 15(4) Основных положений формирования и государственного регулирования цен на газ, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 29.12.2000 № 1021, во взаимосвязи с пунктами 5, 9, 15 и 17 Методических указаний по регулированию розничных цен на газ, реализуемый населению, утвержденных приказом Федеральной службы по тарифам от 27.10.2011 № 252-э/2, расходы, связанные с осуществлением аварийно-диспетчерского обеспечения газового оборудования в многоквартирном доме, подлежат учету при определении тарифов на услуги по транспортировке газа для категории потребителей «население», которые, в свою очередь, учитываются при установлении розничных цен на природный газ, реализуемый населению.

При таком правовом регулировании аварийно-диспетчерское обеспечение газового оборудования в многоквартирном доме осуществляется газораспределительными организациями в силу публично-правовой обязанности и оплачивается потребителями опосредованно, в составе платы за газоснабжение.

ГОСТ Р58095.4-2021, регламентирующий состав мероприятий, проводимых аварийно-диспетчерской службой при осуществлении аварийно-диспетчерского обеспечения газового оборудования в многоквартирном доме, предусматривает, что при поступлении заявок о запахе газа в подъезде либо на лестничной клетке комплекс мероприятий аварийно-диспетчерской службы включает помимо отключения дефектного участка газопровода, выполнения работ по ликвидации аварийной ситуации и оформления соответствующей документации также восстановление подачи газа и проверку герметичности.

Таким образом, восстановление газоснабжения не является самостоятельной, обособленной услугой, а составляет неотъемлемый элемент процесса полной локализации и ликвидации аварийной ситуации, проводимого в рамках аварийно-диспетчерского обеспечения газового оборудования в многоквартирном доме.

Между тем, отклоняя доводы управляющей организации, сводившиеся к тому, что локализация аварийной ситуации предполагает не только устранение непосредственной опасности, обусловленной неисправностью газового оборудования, но и проверку отсутствия риска ее повторного возникновения, что объективно требует повторного пуска газа, а потому восстановление подачи газа после устранения аварийной ситуации является частью такой проверки и исключение его из состава аварийно-диспетчерского обеспечения противоречит сущности данной услуги, направленной на полную локализацию аварии и восстановление безопасного газоснабжения, суды первой и апелляционной инстанций не исследовали объем и содержание услуг (работ), включаемых в аварийно-диспетчерское обеспечение газового оборудования, при формировании тарифа на транспортировку газа и не приняли во внимание

положения ГОСТ Р58095.4-2021, которые закрепляют, что мероприятия по локализации и ликвидации аварийных ситуаций завершаются при восстановлении подачи газа и проведении проверки на герметичность.

В свою очередь, указание судов на отсутствие спорных услуг в минимальном перечне по техническому обслуживанию и ремонту газового оборудования в многоквартирном доме, установленном в приложении к Правилам № 410, само по себе не является достаточным для заключения о том, что понесенные газораспределительной организаций затраты на оказанные услуги не включены в состав аварийно-диспетчерского обеспечения, поскольку названный минимальный перечень относится к сфере технического обслуживания и ремонта газового оборудования и не содержит прямых предписаний, позволяющих отнести восстановление подачи газа к услугам, выведенным за пределы аварийно-диспетчерского обеспечения и подлежащим отдельной оплате.

С учетом изложенных обстоятельств, требовавших дополнительного исследования, выводы судов о необходимости взыскания платы за восстановление газоснабжения являются необоснованными.

При рассмотрении споров, связанных со взысканием задолженности по договору займа, судам надлежит исходить из необходимости оценки не только формального содержания договорных условий, но и фактического поведения сторон, включая совершаемые ими конклюдентные действия, способные свидетельствовать о согласованном изменении условий обязательства, даже если договором предусмотрено требование о письменной форме таких изменений. Одновременно подлежат судебной оценке доводы заемщика о том, что применительно к условиям договора повышение процентов в связи с нарушением сроков возврата займа в части, на которую увеличивается плата за пользование займом, является мерой гражданско-правовой ответственности, что обуславливает возможность применения к таким требованиям положений о снижении неустойки.

4. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 22.10.2025 № Ф09-3010/25 по делу № А60-43730/2024.

Пункт 3 статьи 434 ГК РФ;

пункт 13 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 13.09.2011 № 147[8].

Между юридическими лицами заключен договор займа, предусматривающий начисление процентов за пользование заемными средствами, подлежащих уплате одновременно с возвратом суммы займа по истечении установленного договором срока. Условиями договора согласовано увеличение размера процентной ставки при нарушении заемщиком срока возврата заемных средств, а также закреплен приоритетный порядок зачета

[8] Далее – Обзор № 147.

поступающих платежей в счет погашения задолженности по начисленным процентам. Возможность изменения договорных условий обусловлена соблюдением письменной формы соглашения сторон.

До наступления предусмотренного договором срока возврата займа займодавцем в адрес заемщика направлен проект дополнительного соглашения, содержащего условие о пролонгации срока исполнения обязательств по возврату суммы займа и уплате процентов. Указанный проект подписан заемщиком и направлен обратно займодавцу, который его не подписал. В дальнейшем заемщик осуществлял платежи в счет погашения обязательств по договору, производя расчет размера подлежащих уплате процентов исходя из базовой ставки, не применяя повышенный процент, предусмотренный договором на случай просрочки.

Ссылаясь на нарушение заемщиком сроков возврата займа и уплаты процентов, займодавец обратился в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности и процентов по повышенной ставке, предусмотренной договором на случай просрочки.

Удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций исходили из доказанности факта неисполнения заемщиком обязательств по возврату займа и признали обоснованными требования займодавца о взыскании процентов за пользование заемными средствами, рассчитанных по повышенной ставке.

При этом суды отклонили доводы ответчика о фактическом продлении срока исполнения договора на основании дополнительного соглашения, указав на незаключенность данного соглашения ввиду несоблюдения согласованной сторонами письменной формы договора. Апелляционный суд дополнительно отметил, что ответчик, действуя разумно и добросовестно, осознавая отсутствие подписанного сторонами дополнительного соглашения, должен был принять меры к выяснению правового статуса направленного проекта.

Признавая расчет истца обоснованным, суды сочли правомерным применение повышенной процентной ставки и отнесение произведенных ответчиком платежей в счет исполнения обязательств по уплате процентов, исходя из того, что указанные платежи осуществлялись после истечения первоначально согласованного срока возврата займа. По тем же мотивам суды отказали в снижении размера финансовых санкций, а равно и в применении моратория на их начисление.

Суд округа судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение ввиду следующего.

По смыслу положений пункта 3 статьи 432 ГК РФ, пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» при разрешении споров, связанных с заключением и изменением договоров, судам надлежит исходить не только из формального соблюдения согласованной сторонами письменной формы, но и из оценки фактического поведения

контрагентов с точки зрения принципов свободы договора, разумности и добросовестности. Принятие одной стороной исполнения, совершенного другой стороной, а равно иное поведение, объективно свидетельствующее о согласовании воли сторон, исключает вывод о незаключенности договора либо об отсутствии изменения его условий, если такое утверждение противоречит добросовестности.

Условие договора о возможности его изменения путем подписания соглашения в письменной форме не исключает необходимости анализа судом фактического поведения сторон договора и возможности квалификации обоюдных конклюдентных действий сторон, выражающих их волю, как изменение условий договора (пункт 3 статьи 434 ГК РФ, пункт 5 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.05.1997 № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров»).

Длительное и последовательное исполнение обязательства без возражений со стороны контрагента формирует у другой стороны разумные и оправданные ожидания относительно согласованности условий обязательства, а последующее оспаривание таких условий при данных обстоятельствах подлежит оценке с позиции эстоппеля как проявления недобросовестного поведения в силу положений пункта 3 статьи 1, пункта 3 статьи 307 ГК РФ, пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

При рассмотрении спора в судах первой и апелляционной инстанций ответчик, возражая против заявленных требований, указывал, что при исполнении обязательств стороны фактически исходили из условий проекта дополнительного соглашения, предусматривающего продление срока возврата суммы займа и уплаты процентов. По утверждению ответчика, данный проект подготовлен и направлен истцом незадолго до истечения первоначального срока договора, подписан ответчиком и возвращен истцу, который его не подписал, однако в течение последующего периода принимал от заемщика платежи, в назначении которых указывалось на погашение задолженности и процентов по базовой (не повышенной) процентной ставке, не предъявляя каких-либо претензий относительно исполнения обязательств, что сформировало у заемщика обоснованные ожидания продления срока займа.

Между тем суды, разрешая спор, ограничились формальным выводом о неизменности условий договора ввиду отсутствия подписанного обеими сторонами дополнительного соглашения, не дав оценки совокупности обстоятельств, характеризующих поведение сторон до и после истечения первоначального срока исполнения обязательств, что свидетельствует о неполноте исследования обстоятельств дела и несоответствии выводов судов вышеприведенным требованиям гражданского законодательства.

При разрешении данного спора возник также вопрос о правовой природе процентов, подлежащих начислению в связи с нарушением срока возврата суммы займа, и о возможности их снижения по правилам статьи 333 ГК РФ.

Из нормы пункта 1 статьи 811 ГК РФ следует, что повышение размера процентов за пользование займом в связи с просрочкой возврата займа по своей природе является мерой гражданско-правовой ответственности, а не платой за пользование денежными средствами, если увеличение процентной ставки обусловлено именно нарушением обязательства. В этой связи суд с учетом обстоятельств дела вправе на основании мотивированного заявления заемщика снизить размер названных процентов в соответствии со статьей 333 ГК РФ (пункт 13 Обзора № 147).

Ответчик, ссылаясь на указанные положения, утверждал, что договором установлен чрезмерно высокий размер ответственности за просрочку возврата займа, который существенно превышает обычный уровень платы за пользование денежными средствами и приводит к взысканию суммы, несоразмерной последствиям нарушения обязательства. Вместе с тем суды нижестоящих инстанций, квалифицировав повышение процентов как плату за пользование займом, отказали в применении статьи 333 ГК РФ, ограничившись формальным выводом об отсутствии доказательств несоразмерности и указанием на длительность просрочки.

Кроме того, суды отклонили доводы ответчика о том, что мораторий на начисление финансовых санкций не подлежит применению с момента отказа от него, указав на неприменение к заемщику моратория в полном объеме по причине отказа от его применения, не исследовав при этом причины и обстоятельства отказа ответчика от применения моратория, на которые он обращал внимание судов и которые влияют на период действия вышеуказанного моратория в отношении ответчика.

При рассмотрении споров, связанных с расторжением договора выкупного лизинга по причине допущенной лизингополучателем просрочки уплаты лизинговых платежей, судам следует исходить из необходимости установления сальдо встречных обязательств и определения завершающей обязанности одной стороны в отношении другой.

5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.10.2025 № Ф09-3434/25 по делу № А60-39583/2024.

Пункты 3.1–3.3 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга»[9].

Лизингополучатель, ссылаясь на уклонение лизингодателя от содействия в предъявлении требований к продавцу при обнаружении существенных неустранимых недостатков предмета лизинга, обратился в арбитражный суд с требованием о расторжении договора лизинга и возврате уплаченных лизинговых платежей.

[9] Далее – постановление Пленума ВАС РФ № 17.

Суд первой инстанции, выводы которого поддержал апелляционный суд, в удовлетворении иска отказал, исходя из недоказанности существенности и неустранимости выявленных недостатков, отсутствия ходатайства о назначении экспертизы, а также принимая во внимание, что к моменту принятия решения договор лизинга расторгнут лизингодателем в одностороннем порядке в связи с допущенной лизингополучателем просрочкой уплаты лизинговых платежей.

Суд кассационной инстанции судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

В соответствии с разъяснениями пункта 3.1 постановления Пленума ВАС РФ № 17 расторжение договора выкупного лизинга, в том числе по причине допущенной лизингополучателем просрочки уплаты лизинговых платежей, не должно влечь за собой получение лизингодателем таких благ, которые поставили бы его в лучшее имущественное положение, чем то, в котором он находился бы при выполнении лизингополучателем договора в соответствии с его условиями, и не должно приводить к освобождению лизингополучателя от обязанности по возврату финансирования, полученного от лизингодателя, внесения платы за финансирование и возмещения причиненных лизингодателю убытков, а также иных предусмотренных законом или договором санкций.

В этой связи расторжение договора выкупного лизинга порождает необходимость соотнести взаимные предоставления сторон по договору, совершенные до момента его расторжения (сальдо встречных обязательств), и определить завершающую обязанность одной стороны в отношении другой.

В случае если совокупность внесенных лизингополучателем платежей и стоимости возвращенного предмета лизинга меньше доказанной лизингодателем суммы финансирования, платы за его использование, убытков и санкций, соответствующая разница подлежит взысканию с лизингополучателя, тогда как при превышении указанной совокупности над названными суммами право на взыскание разницы возникает у лизингополучателя (пункты 3.2, 3.3 постановления Пленума ВАС РФ № 17).

С учетом приведенных разъяснений выводы судов первой и апелляционной инстанций об отсутствии на стороне ответчика неосновательного обогащения в виде уплаченных лизинговых платежей, сделанные без исследования и соотнесения взаимных предоставлений сторон по договору лизинга, совершенных до момента его расторжения (сальдо встречных обязательств), не могут быть признаны обоснованными.

Поскольку соблюдение баланса интересов сторон при расторжении договора предполагает недопущение ситуации, при которой одна из сторон оказывается в более выгодном имущественном положении по сравнению с тем, в котором она находилась бы при надлежащем исполнении договорных обязательств, установление указанных обстоятельств имеет существенное значение для правильного разрешения спора.

При определении момента начала течения срока исковой давности по иску прокурора, заявленному в интересах публично-правового образования

и направленному на возврат в бюджет сумм, неосновательно полученных подрядчиком при исполнении государственного (муниципального) контракта, суд обязан исследовать обстоятельства фактического получения заказчиком информации о нарушении своих прав, не ограничиваясь датой подписания актов приемки выполненных работ.
Оправдательный приговор по уголовному делу в отношении руководителя подрядчика не освобождает суд от обязанности оценить доказательства по гражданско-правовому спору об объемах и стоимости выполненных работ.

6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.12.2025 № Ф09-4339/25 по делу № А47-20152/2023.

Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности»[10]*;*

часть 4 статьи 69 АПК РФ.

Прокурор, действуя в интересах муниципального образования, обратился в арбитражный суд с иском о взыскании с подрядчика в доход местного бюджета денежных средств, неосновательно полученных в результате оплаты по муниципальным контрактам. В обоснование заявленных требований истец ссылался на то, что в актах приемки выполненных работ по двум муниципальным контрактам отражены завышенные объемы и стоимость фактически выполненных работ, что подтверждено заключениями комплексных судебных экспертиз, проведенных в рамках уголовного дела в отношении руководителя подрядчика.

Суды первой и апелляционной инстанций, сославшись на пропуск истцом срока исковой давности, в удовлетворении исковых требований отказали, указав, что течение данного срока подлежит исчислению с даты подписания заказчиком актов выполненных работ. Помимо этого, суды также отметили, что факт надлежащего исполнения контрактов установлен оправдательным приговором суда по соответствующему уголовному делу.

Суд округа судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

По вопросу об исчислении срока исковой давности.

Согласно пункту 5 постановления Пленума ВС РФ № 43 при обращении в суд прокурора в защиту интересов публично-правового образования срок исковой давности исчисляется с того момента, когда о нарушении своего права узнало или должно было узнать само это образование в лице своих уполномоченных органов.

Между тем суды, применяя данные положения, надлежащим образом не исследовали доводы прокурора о том, что акты о приемке работ подписаны сторонами без определения фактического объема работ и их стоимости, и не приняли во внимание доказательства, свидетельствующие о том, что о нарушении своего права материальному истцу достоверно стало известно

[10] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 43.

после проведения судебных экспертиз в ноябре-декабре 2021 года, тогда как иск подан в декабре 2023 года.

Не получил также оценки судов довод прокурора о том, что причинение ущерба бюджету допущено вследствие недобросовестных действий ответчика, что исключает защиту его прав путем применения срока исковой давности.

По вопросу о преюдициальности приговора по уголовному делу.

В соответствии с частью 4 статьи 69 АПК РФ вступивший в законную силу приговор по уголовному делу обязателен для арбитражного суда лишь по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они определенным лицом.

Оправдательный приговор, выводящий из-под действия уголовного закона деяния руководителя подрядчика, не содержит и не может содержать окончательных выводов о гражданско-правовых последствиях исполнения договоров, в частности о точном соответствии объема и стоимости выполненных работ условиям контрактов.

Указанные обстоятельства подлежат самостоятельному исследованию арбитражным судом на основе оценки всех представленных доказательств, включая заключения судебных экспертиз, проектно-сметную документацию, акты о приемке выполненных работ и иные материалы.

Отнесение возмещения управляющим организациям недополученных доходов, связанных с предоставлением гражданам мер социальной поддержки, к расходным обязательствам муниципального образования само по себе, без наличия конкретного правового основания, не является достаточным основанием для удовлетворения требования о взыскании компенсационной субсидии.

7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.10.2025 № Ф09-3283/25 по делу № А50-847/2025.

Пункт 3 статьи 78 Бюджетного кодекса Российской Федерации[11].

Управляющая организация обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании с муниципального образования в лице органа местного самоуправления задолженности по плате за содержание и текущий ремонт общего имущества многоквартирных домов, признанных аварийными и подлежащими сносу, часть жилых помещений в которых находится в муниципальной собственности, неустойки за просрочку внесения указанных платежей, а также компенсационной субсидии на возмещение недополученных доходов.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением апелляционного суда, исковые требования удовлетворены в полном объеме. Суды исходили из того, что статус дома как аварийного и планируемого к сносу сам по себе не прекращает правоотношения по его содержанию и не освобождает собственников помещений, в том числе муниципальное образование, от обязанности нести связанные с этим расходы.

[11] Далее – БК РФ.

Взыскание неустойки признано правомерным, а оснований для ее снижения суды не усмотрели. Требование о предоставлении компенсационной субсидии также признано подлежащим удовлетворению, поскольку возмещение недополученного дохода истца в силу нормативного правового акта представительного органа муниципального образования отнесено к расходным обязательствам муниципального образования.

Суд округа согласился с выводами нижестоящих судов в части взыскания с ответчика платы за содержание и текущий ремонт общего имущества многоквартирных домов и начисленной неустойки, оставив судебные акты в этой части без изменения. Однако кассационный суд отменил судебные акты в части взыскания с муниципального образования компенсационной субсидии и отказал в удовлетворении указанных требований, исходя из следующего.

В соответствии с пунктом 1 статьи 78 БК РФ предоставление субсидий хозяйствующим субъектам является формой возмещения недополученных доходов и (или) финансового обеспечения (возмещения) затрат в связи с производством (реализацией) товаров, выполнением работ, оказанием услуг. Вместе с тем безвозмездное и безвозвратное предоставление субсидий из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации осуществляется в строгом соответствии с требованиями и с учетом ограничений, предусмотренных действующим бюджетным законодательством. Так, нормативные акты, регулирующие предоставление субсидий, должны определять, в частности, категории и (или) критерии отбора получателей субсидий, цели, условия, порядок предоставления, а также порядок возврата субсидий в соответствующий бюджет в случае нарушения условий, установленных при их предоставлении, порядок осуществления государственного (муниципального) финансового контроля при предоставлении субсидий (пункт 3 статьи 78 БК РФ).

Таким образом, хозяйствующие субъекты вправе претендовать на получение субсидии лишь в случаях, прямо предусмотренных нормативно-правовым регулированием, принятым уполномоченными органами.

Однако этот нормативный правовой акт – в силу бюджетного законодательства – сам по себе не служит достаточным основанием возникновения права на получение субсидий, он является актом общего предписания, предполагающим необходимость последующей оценки соблюдения подателем заявки предусмотренных им критериев, принятия уполномоченным органом решения о предоставлении субсидии в определенном размере и заключения соответствующего договора (соглашения) о предоставлении субсидии.

Из этого следует, что право на получение подобного рода субсидий возникает в момент несения частными субъектами затрат на исполнение нормативного правового акта. Установленные бюджетным законодательством административные процедуры подачи заявки на получение этих субсидий и принятие по ним решений регламентируют процесс проверки и исполнения уже возникшей к моменту обращения обязанности публичного субъекта

компенсировать посредством перечисления субсидии затраты, понесенные частным субъектом, а потому правоустанавливающего характера не имеют (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2018 № 23-П, определения Конституционного Суда Российской Федерации от 30.09.2021 № 2120-О, от 23.06.2022 № 1479-О).

В рассматриваемом случае нормативным правовым актом органа местного самоуправления установлен детальный регламент предоставления субсидии, включающий в качестве обязательных условий: а) соблюдение лицом, претендующим на получение указанной субсидии, формальной процедуры, включающей в себя в том числе заключение договора с уполномоченным органом на представление субсидии, а также проверку оснований для соответствующей выплаты, б) подтверждение данным лицом наличия недополученных доходов, связанных с предоставлением гражданам мер социальной поддержки.

Поскольку в материалах дела отсутствуют надлежащие доказательства соблюдения управляющей организацией установленного порядка и условий для получения субсидии, основания для ее взыскания признаны отсутствующими.

Споры, связанные с применением законодательства о банкротстве и корпоративного законодательства

Денежные средства, перечисленные третьим лицом в счет погашения требований налогового органа в деле о банкротстве без последующего признания требований погашенными ввиду нарушения установленного порядка, сроков или неполного объема исполнения обязательства подлежат возврату плательщику на основании специальных норм банкротного законодательства.

8. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.10.2025 № Ф09-3726/25 по делу № А60-44500/2024.

Абзац второй пункта 12 статьи 129.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»[12]*;*

абзац четвертый пункта 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»[13]*;*

пункт 28 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016[14].

[12] Далее – Закон о банкротстве.
[13] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 54.
[14] Далее – Обзор ВС РФ от 20.12.2016.

В рамках дела о банкротстве судом удовлетворено заявление общества о намерении погасить требования кредиторов и предписано в установленный срок произвести погашение реестра в полном объеме путем перечисления денежных средств непосредственно кредиторам. Во исполнение данного судебного акта общество перечислило налоговому органу часть денежных средств, однако в полном объеме требования кредиторов погашены не были, в связи с чем судом вынесено определение об отказе в признании требований погашенными.

Впоследствии общество обратилось в суд с заявлением о замене налогового органа в реестре требований кредиторов в части уплаченных сумм, однако в удовлетворении заявления было отказано ввиду отсутствия договора уступки и нарушения специального порядка погашения требований кредиторов.

Полагая, что перечисленные денежные средства подлежат возврату в силу специальных норм банкротного законодательства, общество обратилось в налоговый орган с заявлением о возврате соответствующих сумм, а после отказа – с иском в арбитражный суд.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказал, указав, что возврат уплаченных сумм налога возможен только по заявлению самого налогоплательщика, которым является должник, а не третье лицо, исполнившее за него обязательства. Дополнительно судами отмечено, что истец не был лишен возможности заявить свои требования в деле о банкротстве, однако соответствующих процессуальных действий не предпринял.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение в связи со следующим.

В рассматриваемом случае перечисление истцом денежных средств налоговому органу осуществлено не в рамках добровольного исполнения налогового обязательства за третье лицо, а во исполнение специальной процедуры, санкционированной судом в деле о банкротстве на основании статьи 129.1 Закона о банкротстве.

Абзацем вторым пункта 12 статьи 129.1 Закона о банкротстве прямо установлено, что в случае отказа суда в признании требований об уплате обязательных платежей погашенными ввиду нарушения установленного порядка, сроков или неполного объема исполнения обязательств, перечисленные денежные средства подлежат возврату плательщику. Аналогичные правила содержатся в статьях 71.1, 85.1, 112.1 названного Закона.

Указанные нормы являются специальными как по отношению к общим положениям абзаца четвертого пункта 1 статьи 45 Налогового кодекса Российской Федерации, согласно которым уплата налога может быть произведена за налогоплательщика иным лицом, так и по отношению к общим положениям пункта 2 статьи 313 ГК РФ, в соответствии с которыми третье лицо вправе исполнить просроченное денежное обязательство должника (абзац четвертый пункта 21 постановления Пленума ВС РФ № 54, пункт 28 Обзора ВС РФ от 20.12.2016).

Таким образом, вопрос о возврате сумм, перечисленных истцом, должен разрешаться на основании специальных норм Закона о банкротстве, регулирующих последствия неполного погашения требований в рамках соответствующей процедуры. При этом факт нарушения истцом порядка погашения требований кредиторов сам по себе не нивелирует приоритета специальных норм и не может являться безусловным основанием для отказа в удовлетворении требований истца со ссылкой на общие положения налогового законодательства.

При новом рассмотрении дела суду первой инстанции надлежит дать оценку доводам сторон с учетом приведенных положений Закона о банкротстве и сложившейся судебной практики по их применению.

При разрешении вопроса о возможности утверждения локального плана реструктуризации суд вправе преодолеть возражения залогового кредитора, если такие возражения не обусловлены разумными экономическими причинами, а предложенный план не ухудшает положение кредитора. Наличие у созаемщика (бывшего члена семьи должника), добросовестно исполняющего кредитные обязательства и заинтересованного в сохранении жилья, возможности продолжать их исполнение является основанием для применения реабилитационных механизмов даже при отсутствии согласия должника, если его возражения могут свидетельствовать о злоупотреблении правом.

9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.10.2025 № Ф09-3454/25 по делу № А60-56000/2022.

Пункт 4 статьи 213.17 Закона о банкротстве;

пункт 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»[15].

В рамках дела о банкротстве гражданина его бывшая супруга, являющаяся созаемщиком по ипотечному кредиту и проживающая в заложенной квартире с несовершеннолетним ребенком, обратилась в арбитражный суд с ходатайством об утверждении локального плана реструктуризации по требованию банка, установленному в качестве обеспеченного залогом спорной квартиры.

Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении ходатайства отказали, указав на невозможность утверждения соглашения при отсутствии согласия должника и залогового кредитора, а также отметив, что наличие у бывшей супруги должника 1/2 доли в праве собственности на иное жилое помещение, расположенное в другом городе и являющееся альтернативным местом проживания, исключает за спорной квартирой статуса единственного жилья для заявителя и ее несовершеннолетнего ребенка.

[15] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 45.

Суд округа отменил обжалуемые судебные акты и направил спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

По общему правилу суд, рассматривающий дело о банкротстве, утверждает план реструктуризации долгов (как одобренный, так и не одобренный собранием кредиторов) только в том случае, если он одобрен должником, поскольку должник является непосредственным его участником и исполнение плана обычно осуществляется им самим и должник обладает наиболее полной информацией о своем финансовом состоянии и его перспективах. При этом утверждение плана без одобрения должника возможно только в исключительном случае, если будет доказано, что несогласие должника с планом является злоупотреблением правом (пункт 30 постановления Пленума ВС РФ № 45).

К таким исключительным случаям можно отнести и ситуацию, когда при утверждении локального плана реструктуризации в отношении единственного пригодного для постоянного проживания жилья финансовые обязательства возлагаются на третье лицо и не затрагивают имущественные интересы должника, его права фактически не подвергаются угрозе – должник не несет дополнительных расходов и не приобретает дополнительных обязанностей, при этом обеспечивается баланс интересов всех вовлеченных в спорные правоотношения лиц.

Положения пункта 4 статьи 213.17 Закона о банкротстве, основываясь на имеющихся у арбитражного суда дискреционных полномочиях по управлению банкротным процессом, предоставляют ему право утвердить экономически обоснованный план выхода из кризиса независимо от согласия большинства кредиторов (в том числе залоговых кредиторов), фактически преодолев их решение. Законодательный механизм судебного преодоления направлен на достижение целей процедуры реструктуризации и защиту должника от злоупотреблений со стороны кредиторов с тем, чтобы вопросы восстановления платежеспособности или единовременной реализации конкурсной массы не решались исключительно по воле кредиторов, а находились под контролем суда. В рамках судебного преодоления во внимание (помимо соблюдения реабилитационного паритета) могут быть приняты и другие социально значимые факторы, подтверждающие приоритетность реабилитационной процедуры: сохранение жилья за должником и членами его семьи, сохранение имущественного комплекса должника.

Между тем суды первой и апелляционной инстанций, делая вывод о невозможности утверждения отдельного мирового соглашения (локального плана реструктуризации) при отсутствии соответствующего согласия со стороны залогового кредитора, не учли, что заявленные банком возражения не были обусловлены какими-либо разумными экономическими причинами, исключающими возможность применения реабилитационной процедуры посредством утверждения отдельного мирового соглашения (локального плана реструктуризации). Суды также не опровергли доводов заявителя о том, что в момент рассмотрения спора каких-либо просрочек в исполнении обязательств

по ипотечному кредиту не имеется и обязательства перед банком после расторжения брака с должником продолжают исполняться надлежащим образом, соответственно, при утверждении отдельного мирового соглашения (локального плана реструктуризации) положение залогового кредитора никак не ухудшается по сравнению с тем, как если бы процедуры банкротства не было.

Применительно к выводам судов об отсутствии признаков злоупотребления должником своими правами судом округа отмечено, что противоречивое поведение должника, одновременно возражающего против заключения отдельного мирового соглашения (локального плана реструктуризации) с бывшей супругой на условиях возмещения ему и третьему собственнику – сыну стоимости его доли в спорной квартире и настойчиво желающего реализовать спорную квартиру и распределить средства, может указывать на желание использовать процедуру банкротства как инструмент в споре с бывшей супругой, а не как способ урегулирования своих финансовых обязательств с кредиторами. С учетом относительно небольшого размера требований кредиторов (если сравнивать с потенциальной стоимостью недвижимости) возможно предположить, что финансовая нагрузка должника не настолько значительна, чтобы продажа спорной квартиры была единственно возможным способом погашения обязательств перед банком по ипотечному кредиту. Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии признаков недобросовестного поведения должника сделан без исследования фактических обстоятельств и должной проверки соответствующих доводов бывшей супруги должника.

Складывающаяся в настоящее время правоприменительная практика по вопросу об определении жилья, на которое распространяется исполнительский иммунитет, исходит из необходимости учета не только формальных критериев, таких как количество объектов недвижимости, принадлежащих гражданину на праве собственности, или принципиальная возможность гражданина проживать по иному адресу, но и фактических обстоятельств, определяющих жизненную необходимость конкретного жилья для гражданина и его семьи. Также важно учитывать, насколько реально использование других возможных мест проживания – например, если альтернативное жилье находится в удаленном месте, существенно ухудшает жилищные условия или по каким-то причинам недоступно для проживания семьи. Кроме того, необходимо обращать внимание на социально-экономические условия жизни гражданина: наличие несовершеннолетних детей, престарелых родственников, состояние здоровья членов семьи, которые могут требовать особых жилищных условий. Такой подход позволит более полно защитить конституционное право на жилище, не ограничиваясь лишь формальными критериями, и обеспечит баланс между интересами должника и взыскателя. При этом понятие «единственное пригодное для проживания жилье» может расширить границы применения иммунитета: даже если у гражданина в собственности несколько объектов, но реально к постоянному проживанию доступен и пригоден только один, то этот объект может быть защищен исполнительским иммунитетом.

Однако в рамках данного спора суды при постановке выводов о том, что спорная квартира не является для заявителя и ее несовершеннолетнего ребенка единственным пригодным для проживания жильем, ограничились исключительно констатацией наличия у бывшей супруги доли в праве собственности на иное жилое помещение, расположенное в другом городе, не исследовав, насколько реально использование этого жилья для нее и ее несовершеннолетнего ребенка, зарегистрированных и постоянно проживающих в г. Екатеринбурге.

С учетом изложенного выводы судов первой и апелляционной инстанций об отказе в утверждении отдельного мирового соглашения (локального плана реструктуризации) сделаны преждевременно, без установления всех обстоятельств дела, оценки заявленных доводов и с нарушением норм материального права.

При новом рассмотрении суду первой инстанции следует также обратить внимание на то, что план реструктуризации может также содержать условия о переводе прав и обязанностей по договору купли-продажи – как один из вариантов разрешения конфликтной ситуации, с определением сумм, подлежащих внесению в конкурсную массу должника, для целей защиты прав как залогового кредитора, так и иных участников долевой собственности (бывший супруг и сын должника), для которых спорная квартира также является единственным жильем.

При рассмотрении вопроса об исключении из конкурсной массы доли должника в праве собственности на жилое помещение, не являющейся для него единственным жильем, суд должен исходить из экономической обоснованности реализации данного имущества относительно удовлетворения требований кредиторов и оценить, не повлечет ли ее продажа третьему лицу нарушение баланса между имущественными интересами кредиторов и правами должника и (или) членов его семьи.

10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24.11.2025 № Ф09-5065/25 по делу № А71-18157/2024.

Пункт 2 статьи 213.25 Закона о банкротстве;

пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан»[16].

В рамках дела о банкротстве гражданина установлено, что в состав имущества должника входит 2/3 доли в праве общей долевой собственности на жилое помещение и земельный участок, которые используются им в качестве единственного пригодного для постоянного проживания жилья совместно с супругой и несовершеннолетними детьми. Помимо этого, должнику принадлежит 1/5 доли в праве общей долевой собственности на иное жилое

[16] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 48.

помещение, находящееся также в собственности его родителей и являющееся для них единственным жильем.

Должник обратился в арбитражный суд с ходатайством об исключении 1/5 доли в праве собственности на жилое помещение, в котором проживают его родители, из конкурсной массы, ссылаясь на то, что ее реализация нецелесообразна ввиду незначительности потенциального дохода по сравнению с расходами на проведение торгов, а само помещение является единственным жильем для его престарелых родителей.

Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении ходатайства отказали, исходя из того, что спорное жилое помещение не является для должника единственным жильем, при этом стоимость заявленной к исключению доли, рассчитанная исходя из кадастровой оценки квартиры, превышает лимит в 10 000 рублей, установленный в пункте 2 статьи 213.25 Закона о банкротстве для исключения малоценного имущества.

Суд округа отменил судебные акты и исключил спорную долю из конкурсной массы, руководствуясь следующим.

В соответствии с пунктом 2 статьи 213.25 Закона о банкротстве из конкурсной массы должника может быть исключено имущество, доход от реализации которого существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов. Общая стоимость такого имущества не может превышать 10 000 рублей.

В исключительных случаях в целях обеспечения самого должника и лиц, находящихся на его иждивении, средствами, необходимыми для нормального существования, суд по мотивированному ходатайству гражданина вправе дополнительно исключить из конкурсной массы имущество в большем размере. При этом должен соблюдаться баланс интересов должника, лиц, находящихся на его иждивении, с одной стороны, и кредиторов, имеющих право на получение удовлетворения за счет конкурсной массы, с другой стороны (пункт 2 постановления Пленума ВС РФ № 48).

Таким образом, требование об исключении из конкурсной массы гражданина имущества, на которое в соответствии с федеральным законом может быть обращено взыскание по исполнительным документам, подлежит удовлетворению в случае, если будет установлено, что доход от реализации данного имущества существенно не повлияет на удовлетворение требований кредиторов, при этом лишение должника и (или) членов его семьи этого имущества может привести к нарушению справедливого баланса между имущественными интересами кредиторов и личными правами должника.

Как указывает финансовый управляющий, оценочная стоимость спорной доли в жилом помещении составляет около 100 000 рублей, однако продажа столь незначительной доли в праве на жилое помещение, не выделенной в натуре, маловероятна в силу ее инвестиционной непривлекательности, а расходы на организацию торгов могут поглотить бóльшую часть выручки. Следовательно, реальный экономический эффект от продажи для целей погашения задолженности перед кредиторами отсутствует.

Кроме того, должник ссылается на то, что спорная квартира является единственным пригодным для постоянного проживания жильем для его престарелых родителей.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 16.05.2023 № 23-П, при обращении взыскания на долю в праве общей собственности на жилое помещение необходима соразмерная защита интересов других сособственников, не затронутых банкротством, и сохранение конституционно значимых семейных ценностей.

В данном случае реализация доли должника создаст режим общей собственности для не связанных семейными узами лиц (покупателя доли и членов семьи должника), что приведет к неизбежному конфликту интересов между названными лицами, создаст угрозу нарушения права на достойную жизнь, достоинство личности и неприкосновенность собственности членов семьи должника, а также не будет способствовать консолидации права собственности, которую стремится обеспечить законодатель.

Поскольку кредиторы по делу о банкротстве не возражали против исключения 1/5 доли в праве общей собственности на квартиру, в которой проживают родители должника, а доводы о нецелесообразности ее реализации и особом социальном назначении жилья для его семьи нашли подтверждение, суд округа пришел к выводу о наличии оснований для применения пункта 2 статьи 213.25 Закона о банкротстве и исключения доли из конкурной массы.

Даже при достижении цели погашения реестра и предстоящем прекращении процедуры банкротства арбитражный управляющий сохраняет обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах должника и всех кредиторов, обеспечивая сохранность и наилучшее экономическое использование активов, а любые распоряжения значимыми корпоративными правами без проверяемой экономической мотивации и при явном конфликте интересов могут быть квалифицированы как злоупотребление правом.

11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.10.2025 № Ф09-2926/25 по делу № А07-23992/2023.

Пункт 4 статьи 20.3, абзац шестой пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве.

В хозяйственном обществе, участниками которого первоначально являлись два юридических лица с равными долями участия, доля одного из участников перешла к самому обществу и учитывалась как нераспределенная, в результате чего фактический корпоративный контроль оказался сосредоточен у второго участника, в уставном капитале которого преобладающую долю контролировало физическое лицо. В дальнейшем указанное хозяйственное общество, его единственный участник и физическое лицо признаны несостоятельными (банкротами), в рамках соответствующих дел о банкротстве осуществлялась реализация корпоративных прав и иных активов.

В ходе процедуры банкротства физического лица на торгах реализована принадлежащая ему доля в уставном капитале единственного участника хозяйственного общества, правомерность приобретения данной доли победителем торгов подтверждена по результатам апелляционного и кассационного пересмотра. Параллельно приобретатель заявил о намерении погасить требования кредиторов хозяйственного общества и его единственного участника, что впоследствии привело к прекращению процедур банкротства в связи с полным погашением реестровой задолженности.

Одновременно с этим конкурсным управляющим имуществом единственного участника хозяйственного общества приняты решения, связанные с корпоративным управлением хозяйственным обществом, в том числе избрание органов управления, а также об одобрении совершения сделки по отчуждению нераспределенной доли в уставном капитале хозяйственного общества в размере 50 процентов третьему лицу по цене, существенно ниже номинальной стоимости доли. Данные решения и заключенный на их основании договор купли-продажи доли послужили основанием для внесения изменений в состав участников хозяйственного общества.

Приобретатель доли обратился в арбитражный суд с требованиями о признании недействительными решений единственного участника хозяйственного общества и договора купли-продажи доли, указывая, что оспариваемые действия совершены в условиях конфликта интересов при злоупотреблении правом, с целью лишения истца возможности реализовать экономически обоснованный интерес по установлению контроля над активами хозяйственного общества, сформированный в результате погашения задолженности данного общества и аффилированного с ним лица. По мнению заявителя, конкурсный управляющий, обладая информацией о фактическом прекращении банкротства и о наличии конкурирующих притязаний на корпоративный контроль, действовал недобросовестно и неразумно, допустив отчуждение доли по заниженной цене.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций исходили из формального наличия у конкурсного управляющего соответствующих полномочий на момент совершения оспариваемых действий, из принципа свободы договора при определении цены отчуждаемой доли, а также применили принцип эстоппеля, усмотрев в последующих попытках истца взыскать произведенные затраты в рамках нового дела о банкротстве хозяйственного общества противоречивое поведение.

Суд округа отменил судебные акты и направил спор на новое рассмотрение ввиду следующего.

Одной из обязанностей конкурсного управляющего является обеспечение сохранности имущества должника, неисполнение или ненадлежащее исполнение которой, повлекшее причинение убытков должнику, кредиторам и иным лицам, является основанием для привлечения управляющего к ответственности в виде взыскания убытков (пункт 4 статьи 20.3, абзац шестой пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве).

Вместе с тем деятельность управляющего должна носить рациональный характер и, исходя из поставленных законодателем задач, конкурсный управляющий в процедурах банкротства обязан принимать разумные и экономически обоснованные решения в интересах должника и его кредиторов, способствовать соблюдению справедливого баланса между правами должника и имущественными интересами иных участников банкротного процесса.

По утверждению истца, спорные действия по назначению нового руководства хозяйственного общества и отчуждению его нераспределенной доли по заведомо заниженной цене совершены конкурсным управляющим в период, когда судом уже рассматривался вопрос о прекращении банкротства в связи с полным погашением требований кредиторов самим истцом, что привело к воспрепятствованию достижения истцом преследуемой экономической цели.

В этой связи ключевым обстоятельством, подлежавшим исследованию, являлось не формальное право управляющего на распоряжение имуществом, а добросовестность его поведения и соответствие действий целям конкурсного производства в сложившихся условиях. Обладая информацией о предстоящем прекращении банкротства и наличии конкурирующих притязаний на активы, управляющий обязан действовать рационально и в интересах формирования конкурсной массы, а не способствовать перераспределению контроля в пользу одного из участников конфликта в ущерб другому.

При таких обстоятельствах доводы истца о недобросовестности поведения конкурсного управляющего требовали существенной проверки, включая анализ экономической обоснованности цены сделки и причин спешности ее совершения.

Ссылка судов на принцип эстоппеля со стороны истца как одно из оснований отказа в удовлетворении исковых требований в данной ситуации несостоятельна, поскольку стремление инвестора компенсировать понесенные затраты после того, как его законные ожидания были нарушены недобросовестными действиями, само по себе не является злоупотреблением правом.

С учетом изложенного при новом рассмотрении дела суду первой инстанции надлежит исследовать по существу все обстоятельства спора, включая хронологию совершения участниками конфликта действий, преследуемые ими экономические цели и соответствие совершаемых ими действий правилам статьи 10 ГК РФ.

При рассмотрении вопроса о возложении на заявителя по делу обязанности по выплате фиксированного вознаграждения финансовому управляющему суду надлежит установить наличие (отсутствие) возможности выплаты вознаграждения за счет конкурсной массы, а также соблюдение управляющим установленной законом очередности удовлетворения требований кредиторов.

12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.11.2025 № Ф09-6326/24 по делу № А60-32851/2021.

Пункт 4 статьи 213.5 Закона о банкротстве;

абзац второй пункта 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.12.2013 № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве»[17].

При подаче заявления о признании гражданина банкротом уполномоченным органом на депозит суда внесены денежные средства в размере 25 000 рублей для уплаты вознаграждения финансовому управляющему.

В ходе процедуры банкротства в конкурсную массу должника поступили денежные средства, однако финансовый управляющий, распоряжаясь ими, погасил текущие расходы и часть требований реестровых кредиторов, оставив невыплаченным собственное фиксированное вознаграждение.

После завершения процедуры реализации имущества финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с ходатайством о перечислении ему средств с депозита в счет вознаграждения, а уполномоченный орган, в свою очередь, просил вернуть внесенные средства, ссылаясь на то, что обязанность по выплате вознаграждения не может быть возложена на заявителя, если управляющий направил вырученные от продажи имущества средства на погашение требований кредиторов с нарушением очередности.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился апелляционный суд, ходатайство управляющего удовлетворил, в возврате сумм депозита уполномоченному органу отказал, исходя из того, что денежные средства на депозите имеют строго целевое назначение. Суд апелляционной инстанции также отметил, что уполномоченный орган должен был предполагать возможность использования спорных средств для финансирования процедуры банкротства при отсутствии имущества у должника.

Суд округа судебные акты отменил и направил спор на новое рассмотрение в связи со следующим.

В соответствии с пунктом 4 статьи 213.5 Закона о банкротстве денежные средства, внесенные на депозит суда при обращении с заявлением о признании гражданина банкротом, могут быть использованы для выплаты вознаграждения финансовому управляющему только в случае отсутствия для этой цели денежных средств в конкурсной массе. При этом, как разъяснено в абзаце втором пункта 4 постановления Пленума ВАС РФ № 97, единственным основанием для возложения обязанности по погашению расходов по делу о банкротстве на заявителя является недостаточность средств у должника, следовательно, в случаях, когда вознаграждение арбитражному управляющему осталось невыплаченным ввиду погашения им самим за счет конкурсной массы других требований в нарушение очередности, установленной статьей 134 Закона о банкротстве, обязанность по выплате такого вознаграждения не может быть возложена на заявителя.

[17] Далее – постановление Пленума ВАС РФ № 97.

Из указанных положений следует, что при рассмотрении споров относительно выплаты управляющему вознаграждения с депозита судам следует установить объем денежных средств, поступивших в конкурсную массу должника, порядок распоряжения указанными денежными средствами финансовым управляющим, соблюдение очередности погашения требований кредиторов, принятие управляющим мер по резервированию денежных средств для выплаты себе вознаграждения.

Между тем в данном случае суд первой инстанции фактически ограничился проверкой обоснованности требований арбитражного управляющего, не установив все значимые для дела обстоятельства. Суд апелляционной инстанции, в свою очередь, сосредоточился на исследовании вопроса о наличии (отсутствии) оснований для снижения размера вознаграждения управляющего при отсутствии возражений лиц, участвующих в деле, тогда как вопросы о наличии реальной возможности выплаты вознаграждения за счет конкурсной массы, о принятии управляющим мер по резервированию денежных средств для выплаты себе вознаграждения судами фактически не исследованы.

Судами не дана надлежащая оценка доводам уполномоченного органа о том, что обязанность по выплате вознаграждения не может быть возложена на заявителя, если вознаграждение арбитражному управляющему осталось невыплаченным ввиду погашения им самим за счет конкурсной массы других требований с нарушением очередности, а также о том, что вырученные от реализации конкурсной массы средства направлены финансовым управляющим на погашение текущих платежей и частичное погашение реестровой задолженности при невыплаченном вознаграждении управляющему.

При таких обстоятельствах вывод нижестоящих судов о правомерности возложения на заявителя по делу о банкротстве обязанности по выплате вознаграждения финансовому управляющему является преждевременным.

Размер стимулирующего вознаграждения конкурсного управляющего определяется судом с учетом реального вклада управляющего в конечный результат, включая как активную роль в доказывании оснований и размера субсидиарной ответственности, так и действия по реальному исполнению соответствующего судебного акта.

13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.12.2025 № Ф09-6606/21 по делу № А60-2863/2020.

Абзац четвертый пункта 3.1 статьи 20.6 Закона о банкротстве;

пункт 66 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»[18]*;*

[18] Далее — постановление Пленума ВС РФ № 53.

пункт 19 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.04.2025[19].

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о взыскании стимулирующего вознаграждения в размере 30 % в связи с удовлетворением требований кредиторов за счет средств, полученных от лица, привлеченного к субсидиарной ответственности. При этом бóльшая часть кредиторов воспользовалась способом распоряжения правом по требованию о субсидиарной ответственности путем их уступки в пользу кредиторов.

Суды первой и апелляционной инстанций требования управляющего удовлетворили в полном объеме, указав на достижение управляющим положительного результата в виде удовлетворения требований кредиторов за счет средств от субсидиарного ответчика. Довод ответчика о необходимости снижения заявленного размера вознаграждения ввиду принятия активных мер самими кредиторами в достижении цели исполнения судебного акта о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности судами отклонен со ссылкой на пункт 19 Обзора ВС РФ от 25.04.2025.

Суд округа не согласился с принятыми судебными актами в силу следующего.

Исходя из абзаца 4 пункта 3.1 статьи 20.6 Закона о банкротстве и пункта 66 постановления Пленума ВС РФ № 53 арбитражный управляющий имеет право на выплату суммы процентов в максимальном размере, если докажет, что удовлетворение требования кредитора, выбравшего уступку, вызвано действиями управляющего, связанными с подготовкой, подачей заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, отстаиванием позиции по этому заявлению в суде.

Как указывает Верховный Суд Российской Федерации в пункте 23 Обзора судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 11.10.2023, и пункте 18 Обзора ВС РФ от 25.04.2025, стимулирующее вознаграждение арбитражного управляющего зависит от объема и качества выполненной им работы. Управляющий, оказавший лишь часть услуг, предусмотренных Законом о банкротстве, по причинам объективного или субъективного характера не вправе рассчитывать на получение полной (максимальной) выплаты.

Таким образом, для установления арбитражному управляющему максимального вознаграждения, обусловленного привлечением контролирующих должника лиц и выгодоприобретателей к субсидиарной ответственности, судам следует оценивать не только подготовку, подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, активную роль по доказыванию оснований и размера такой ответственности, но и действия арбитражного управляющего по исполнению судебного акта, направленного на реальное удовлетворение требований кредиторов за счет средств субсидиарного

[19] Далее – Обзор ВС РФ от 25.04.2025.

ответчика. Указанные действия арбитражного управляющего подлежат оценке судами в совокупности. В случае, если будет установлено, что положительный результат в виде реального поступления денежных средств в конкурсную массу достигнут действиями иных лиц, участвующих в деле о банкротстве, в том числе кредиторами, суд может снизить размер такого стимулирующего вознаграждения.

В рассматриваемом случае ответчик последовательно указывал на отсутствие оснований для выплаты максимального вознаграждения, ссылаясь на то, что на стадии исполнения судебного акта ключевую роль сыграли сами кредиторы, воспользовавшиеся правом на уступку требований и самостоятельно предъявившие исполнительные документы к взысканию с бюджета. Тогда как участие управляющего ограничилось взысканием незначительной остаточной суммы долга, в связи с чем достижение положительного результата в виде погашения требований обеспечено не его усилиями, а активными действиями кредиторов, что требует соразмерного снижения размера стимулирующей выплаты.

Однако суды не дали оценки данным доводам и не исследовали вопрос о реальном вкладе управляющего в процесс исполнения судебного акта по основному объему взысканных средств.

Ссылка судов на пункт 19 Обзора ВС РФ от 25.04.2025 несостоятельна, так как данный пункт исключает возможность полного отказа в вознаграждении лишь по основанию содействия кредитора исполнению, однако не отменяет обязанности суда оценивать объем оказанных управляющим услуг и пропорционально определять размер вознаграждения.

При новом рассмотрении судам надлежит установить, какая часть положительного результата (реального поступления денег) достигнута действиями управляющего, а какая – самостоятельными действиями кредиторов, и исходя из этого определить справедливый размер вознаграждения.

Правило о распоряжении кредиторами правом требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности не может быть применено по аналогии закона к требованию о взыскании убытков с арбитражного управляющего.

14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 21.10.2025 № Ф09-2105/15 по делу № А47-2861/2014.

Подпункт 3 пункта 2, пункт 4 статьи 61.17 Закона о банкротстве.

В деле о банкротстве должника с арбитражного управляющего взысканы убытки; после вступления акта в законную силу конкурсный управляющий инициировал утверждение отчета о выборе кредиторами по текущим платежам способа распоряжения правом требования к самому себе как к управляющему, предложив частичную уступку на основании подпункта 3 пункта 2 статьи 61.17 Закона о банкротстве и замену взыскателя на кредиторов с выдачей им исполнительных листов. Часть текущих кредиторов согласилась на уступку

в размере номинальной стоимости, в отношении остатка дебиторской задолженности проведены торги и заключен договор уступки по цене существенно ниже номинала; иные кредиторы возражали, указывая на недопустимость распоряжения правом требования о взыскании убытков с управляющего в связи с наличием риска нарушения очередности и пропорциональности удовлетворения текущих платежей, а также на конфликт интересов, обусловленный передачей права требования фактически к самому себе.

Суды первой и апелляционной инстанций заявление управляющего удовлетворили, применив по аналогии положения статьи 61.17 Закона о банкротстве, указав, что распоряжение правом требования кредитора к контролирующим лицам, помимо привлечения к субсидиарной ответственности, распространяется и на ответственность контролирующих лиц в виде взысканных убытков, соответственно, факт привлечения арбитражного управляющего к ответственности в виде взыскания убытков предполагает право кредиторов выбрать способ распоряжения правом требования.

Суд округа не согласился с указанными выводами судов.

Положениями статьи 61.17 Закона о банкротстве урегулированы отношения по распоряжению кредиторами правом требования о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. В частности, подпунктом 3 пункта 2, пунктом 4 указанной нормы установлен специальный механизм удовлетворения требований кредиторов за счет контролирующих должника лиц, привлеченных к субсидиарной ответственности, предусматривающий замену взыскателя в части соответствующей суммы, для чего суд выдает на имя каждого такого кредитора как взыскателя исполнительный лист с указанием размера и очередности погашения его требования.

Указания на возможность применения соответствующего механизма в отношении распоряжения кредиторами своим правом требования о привлечении контролирующих лиц к гражданско-правовой ответственности в виде взыскания убытков положения статьи 61.17 Закона о банкротстве не содержат.

В судебной практике выработан правовой подход, в соответствии с которым также допускается распоряжение требованием о взыскании убытков с контролирующего должника лица путем частичной уступки, если присуждение убытков было направлено на защиту интересов кредиторов, а не корпорации (пункт 14 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.04.2025).

Вместе с тем указанные правила не могут быть применены по аналогии к правоотношениям, связанным со взысканием убытков с арбитражного управляющего, поскольку конкурсный управляющий при осуществлении возложенных на него Законом о банкротстве обязанностей является представителем конкурсной массы (сообщества кредиторов), а не

контролирующим должника лицом применительно к правовому регулированию главы III.2 Закона о банкротстве, как следствие, взысканные с арбитражного управляющего убытки являются особым активом конкурсной массы (правом требования к ее представителю).

При таких обстоятельствах правовых оснований для удовлетворения заявления управляющего об утверждении отчета о результатах выбора кредиторами способа распоряжения правом требования у судов первой и апелляционной инстанций не имелось.

Передача имущества детям в качестве отступного по алиментному соглашению при несоразмерности актива потребностям детей и при фактическом сохранении контроля со стороны родителей подлежит проверке на мнимость. Наличие в разных делах о банкротстве требований к детям по поводу одного актива предполагает рассмотрение судом вопроса об объединении споров для установления единого размера ответственности и исключения неосновательного обогащения кредиторов за счет неоднократного взыскания одной и той же суммы.

15. Постановления Арбитражного суда Уральского округа от 07.11.2025 № Ф09-5799/23 по делу № А07-34710/2021, от 07.11.2025 № Ф09-3858/24 по делу № А07-30925/2020, от 07.11.2025 № Ф09-1695/23 по делу № А07-34711/2021.

Подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве;
пункт 7 постановления Пленума ВС РФ № 53;
часть 2 статьи 130 АПК РФ.

Супруги, имея кредиторскую задолженность перед независимыми кредиторами в нескольких подконтрольных обществах, заключили соглашение об уплате алиментов, по условиям которого в собственность несовершеннолетних детей перешло дорогостоящее нежилое здание. Впоследствии в отношении каждого из обществ возбуждены дела о банкротстве.

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц и их несовершеннолетних детей, взыскании с них денежных средств в размере стоимости полученного здания, полагая, что алиментная сделка носит мнимый характер и направлена на вывод активов из конкурсной массы должника.

Суды первой и апелляционной инстанций в удовлетворении заявленных требований отказали, указав на отсутствие у несовершеннолетних детей статуса контролирующих лиц и недоказанность в их действиях состава правонарушения. Суды также отметили, что оценка законности алиментного соглашения выходит за рамки данного спора.

Суд округа судебные акты отменил и направил спор на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Как следует из разъяснений пункта 7 постановления Пленума ВС РФ № 53, предполагается, что лицо, которое извлекло выгоду из незаконного, в том числе

недобросовестного, поведения руководителя должника является контролирующим (подпункт 3 пункта 4 статьи 61.10 Закона о банкротстве).

При этом к несовершеннолетним детям контролирующих лиц данная презумпция неприменима в силу объективных особенностей отношений несовершеннолетних детей и их родителей, которым обычно присущи, с одной стороны, стремление родителей оградить детей от негативной информации, с другой стороны, повышенный уровень доверия детей к своим родителям.

Вместе с тем изложенное не препятствует возложению ответственности на несовершеннолетних детей в случае их использования родителями в качестве инструмента для сокрытия принадлежащего имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов о возмещении вреда, причиненного родителями кредиторам. В частности, родители могут оформить переход права собственности на имущество к детям лишь для вида, совершив мнимую сделку (статья 170 ГК РФ). Однако даже при отсутствии признаков мнимости существует возможность применения мер ответственности на основании статьи 1064 ГК РФ, если приобретатель не мог не знать о вредоносной цели сделки, с возмещением вреда в пределах стоимости имущества, по сути оставленного в семье.

Согласно правовой позиции, изложенной в пункте 23 Обзора ВС РФ № 1 (2020), вред кредиторам может быть причинен не только доведением должника до банкротства, но и умышленными действиями, направленными на создание невозможности получения кредиторами полного исполнения за счет имущества контролирующих лиц, виновных в банкротстве должника, в том числе путем приобретения их имущества родственниками по действительным безвозмездным сделкам, не являющимся мнимыми, о вредоносной цели которых не мог не знать приобретатель.

Принимая во внимание изложенное, то обстоятельство, что дети не являются контролирующими должника лицами, не имеет правового значения для рассмотрения настоящего обособленного спора.

Для возложения ответственности на несовершеннолетних детей имеет значение не наличие статуса контролирующих должника лиц, а использование их личности как инструмента для сокрытия активов родителей. Даже при отсутствии у детей контроля над должником передача им имущества может быть квалифицирована как действие, направленное на создание невозможности удовлетворения требований кредиторов.

Суды первой и апелляционной инстанций верно указали, что несовершеннолетние дети не являются контролирующими должника лицами, не осуществляют фактический контроль над должником. Однако эти выводы не имеют правового значения для разрешения спора.

На момент рассмотрения спора требование о привлечении родителей к субсидиарной ответственности по обязательствам того же должника не было рассмотрено по существу, а в деле о банкротстве одного из родителей находился на апелляционном рассмотрении спор о признании недействительным самого алиментного соглашения. В этой связи разрешение

спора по существу признано судом кассационной инстанции преждевременным.

Кроме того, суды ограничились констатацией того, что имущество приобретено на личные средства матери, не дав оценки доводам управляющего о невозможности такого приобретения исходя из ее декларированных доходов и расходов, а также о возможной связи ее предпринимательской деятельности, связанной с группой компаний, контролируемых отцом детей. Данные обстоятельства, влияющие на оценку добросовестности происхождения имущества и характера его передачи, остались без исследования.

Судом округа также установлено, что аналогичные требования к тем же ответчикам о взыскании той же суммы убытков за счет того же самого имущества предъявлены конкурсными управляющими в рамках дел о банкротстве еще четырех подконтрольных юридических лиц. Это создает риск многократного взыскания одной и той же суммы с одних и тех же ответчиков в пользу разных кредиторов, что противоречит принципам справедливости и соразмерности ответственности, а также норме статьи 1082 ГК РФ, ограничивающей размер возмещения вреда стоимостью переданного имущества.

В связи с этим судам при новом рассмотрении надлежит оценить возможность и целесообразность объединения всех однородных требований к ответчикам, заявленных в разных делах о банкротстве, в одно производство в соответствии со статьей 130 АПК РФ в целях исключения принятия противоречивых решений и обеспечения соразмерной защиты прав всех кредиторов.

В условиях корпоративного конфликта действия участника, направленные против интересов другого партнера, по общему правилу не тождественны причинению вреда самому обществу и не являются основанием для его исключения; при фактическом прекращении хозяйственной деятельности общества и переходе к ликвидационной стадии исключение участника не отвечает природе такого экстраординарного способа защиты, поскольку сохранение корпоративного статуса обоих партнеров необходимо для обеспечения справедливого распределения ликвидационной квоты.

16. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 07.10.2025 № Ф09-2880/25 по делу № А50-13687/2024.

Пункт 1 статьи 67 ГК РФ;

статья 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»[20];

пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 09.12.1999 № 90/14 «О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»[21];

[20] Далее – Закон № 14-ФЗ.
[21] Далее – постановление Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 90/14.

пункт 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[22].

Участник общества, владеющий 50% доли в уставном капитале общества, обратился в арбитражный суд с иском об исключении из общества другого участника, также владеющего 50% доли. В обоснование своих требований истец ссылается на грубое нарушение ответчиком его обязанностей как участника общества.

Удовлетворяя заявленные требования, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что действия ответчика по совершению сделки с заинтересованностью при отсутствии корпоративного одобрения, возложению на себя полномочий единоличного исполнительного органа в нарушение требования закона, устава общества, прав и законных интересов другого участника общества являются грубым нарушением его обязанностей как участника общества.

Суд кассационной инстанции отменил судебные акты и отказал в удовлетворении иска, указав следующее.

По смыслу положений пункта 1 статьи 67 ГК РФ, статьи 10 Закона № 14-ФЗ при рассмотрении заявления участника общества об исключении из общества другого участника суд должен установить не только факт нарушения участником своих обязанностей, но и то, что это нарушение носит грубый характер и причинило обществу существенный вред либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось. Наличие корпоративного конфликта и равных долей у участников, ведущих спор, не отменяет необходимости доказывания этих обстоятельств (пункт 17 постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 90/14, пункт 35 постановления Пленума ВС РФ № 25).

Признавая обоснованным довод истца о фальсификации ответчиком подписи генерального директора на протоколе общего собрания, суды первой и апелляционной инстанций сослались на прекращение в отношении ответчика уголовного дела по нереабилитирующим основаниям и на содержание постановления суда общей юрисдикции, в котором отражены предъявленные ему обвинения.

Однако, как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 02.03.2017 № 4-П, сведения, установленные в ходе предварительного расследования, в гражданском процессе подлежат оценке наряду с иными доказательствами. Судами не принято во внимание, что на спорном протоколе, помимо подписи, присутствует оттиск печати общества, подлинность которой не оспорена, доказательств принятия обществом каких-либо мер по защите своих интересов в связи с возможной утратой или неправомерным использованием печати не представлено. В таких условиях вывод судов о неправомерном поведении исключительно со стороны ответчика не является достаточно обоснованным.

[22] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 25.

Кроме того, нарушенные права истца в части незаконного занятия ответчиком должности директора уже восстановлены путем судебного оспаривания записи в ЕГРЮЛ и внесения в реестр сведений о ее недостоверности.

Оценивая доводы о совершении ответчиком сделки с заинтересованностью без корпоративного одобрения, кассационный суд указал, что само по себе установление факта заключения такой сделки не образует безусловного основания для исключения участника из общества, поскольку в каждом конкретном случае подлежат выяснению последствия соответствующих действий для общества.

В данном случае при отсутствии хозяйственной деятельности общества в спорном периоде действия ответчика могли затрагивать преимущественно интересы другого участника, который не был лишен возможности защитить свои права посредством предусмотренных законом корпоративных механизмов.

Суд округа обратил внимание также на то, что несостоявшиеся общие собрания не всегда были связаны с виновным поведением ответчика: часть собраний не состоялась по вине истца, что свидетельствует о существовании корпоративного конфликта, усложняющего проведение собраний и, соответственно, управление обществом.

Более того, общество на протяжении длительного времени не осуществляет основную хозяйственную деятельность в связи с отчуждением основных активов задолго до возникновения спорных правоотношений, при этом доказательств возможности возобновления такой деятельности либо ее фактического осуществления в спорный период не представлено, что исключает возможность ограничения осуществления деятельности общества действиями кого-либо из его участников.

Судом кассационной инстанции также приняты во внимание пояснения ответчика, согласно которым единственным активом общества является взысканная в судебном порядке дебиторская задолженность за отчужденное имущество. Учитывая, что деятельность общества в период руководства ответчика заключалась только во взыскании дебиторской задолженности, в то же время единственным интересом ответчика является получение взысканной задолженности и последующее ее распределение между участниками, сохранение участников в обществе будет поспособствовать справедливым расчетам на ликвидационной стадии деятельности общества.

С учетом пояснений о том, что фактически единственным активом общества является взысканная дебиторская задолженность и что деятельность сводится к ее взысканию и последующему распределению, суд округа указал, что сохранение обоих участников в обществе в такой ситуации способствует справедливым расчетам на ликвидационной стадии и препятствует перекосу распределения ликвидационной квоты через инструмент исключения.

В другом деле[23] участники общества обратились в арбитражный суд с иском об исключении из состава участников общества другого участника,

[23] Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 08.10.2025 № Ф09-3371/25 по делу № А76-24288/2024.

мотивируя требования систематическим уклонением ответчика от участия в общих собраниях, которое препятствует принятию ключевых решений, в том числе по переизбранию директора, тем самым блокируя хозяйственную деятельность общества.

Установив, что ответчик препятствует нормальной деятельности общества, блокирует принятие решений, для которых требуется кворум, чем препятствует нормальной хозяйственной деятельности общества, суд первой инстанции заявленные требования удовлетворил.

Суд апелляционной инстанции отменил решение суда первой инстанции и отказал в иске, указав, что неявка участника на собрания сама по себе при отсутствии доказательств причинения существенного вреда не является достаточным основанием для исключения участника из состава общества. Апелляционный суд исходил из того, что устав общества позволял принимать решения об образовании органов управления простым большинством, а также предусматривал возможность заочного голосования, которой истцы не воспользовались, и что собрания, на которые не являлся ответчик, созывались в период активного корпоративного конфликта между участниками и касались в основном переизбрания директора, но не иных ключевых для деятельности общества вопросов.

Суд округа судебные акты отменил и направил спор на новое рассмотрение, отметив следующее.

В рассматриваемом случае суд первой инстанции ограничился установлением факта неявки ответчика на собрания, не исследовав причины такого поведения, действительный характер и масштабы деятельности общества, а также то, каким конкретно образом бездействие ответчика привело или могло привести к невозможности достижения целей общества. Суд не выяснил, велась ли обществом какая-либо хозяйственная деятельность с момента создания, как она осуществлялась в периоды, когда собрания не проводились, и какие конкретно решения не могли быть приняты из-за отсутствия кворума.

Суд апелляционной инстанции, отказывая в иске, также не дал оценки этим обстоятельствам. Более того, он сослался на редакцию устава, которая не была надлежащим образом утверждена. Апелляционный суд ошибочно счел, что наличие корпоративного конфликта является препятствием для удовлетворения иска, тогда как в соответствии с правовой позицией высших судебных инстанций такой конфликт, наоборот, может служить поводом для передачи вопроса на судебное разрешение, если он вызван недобросовестным поведением одного из участников.

Таким образом, выводы судов сделаны без полного и всестороннего исследования фактических обстоятельств, имеющих существенное значение для дела, что повлекло неправильное применение норм материального права.

При переходе права требования в порядке универсального или сингулярного правопреемства (в том числе по наследству) срок исковой

давности для правопреемника не начинает течь заново, а исчисляется с момента, когда о нарушении права узнал или должен был узнать первоначальный кредитор.

17. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10.11.2025 № Ф09-5516/24 по делу № А50-9062/2023.

Статья 201 ГК РФ;

пункт 6 постановления Пленума ВС РФ № 43;

пункт 73 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»[24].

В рамках дела о распределении обнаруженного имущества ликвидированного общества с заявлениями о включении в реестр требований кредиторов указанного общества обратились конкурсный управляющий другого ликвидированного юридического лица и физическое лицо, являющееся наследником единственного участника указанного юридического лица. В обоснование требований заявители указывают на наличие задолженности по договорам субподряда, заключенным между ликвидированными обществами, подтвержденной актами приемки выполненных работ и актом сверки взаимных расчетов, а также на правопреемство в отношении данного требования в порядке наследования.

Суды первой и апелляционной инстанций признали требование правопреемника обоснованным и подлежащим включению в реестр кредиторов должника, сославшись на то, что наследник как заявитель не имел объективной возможности реализовать право до вступления в наследство и установления факта своего правопреемства вступившим в силу судебным актом. Возражения относительно пропуска срока исковой давности отклонены судами на том основании, что срок следует исчислять с момента, когда наследник узнал о нарушенном праве и смог участвовать в процедуре распределения обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица, то есть после вступления в наследство, поскольку ранее он не мог его защитить.

Суд округа судебные акты отменил и во включении требований в реестр отказал, указав следующее.

По смыслу статьи 201 ГК РФ переход прав в порядке универсального правопреемства (наследование) не влияет на начало течения срока исковой давности и порядок его исчисления. В этом случае срок исковой давности начинает течь в порядке, установленном статьей 200 ГК РФ, то есть со дня, когда первоначальный обладатель права узнал (должен был узнать) о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (пункт 6 постановления Пленума ВС РФ № 43).

Приведенные положения подтверждаются разъяснениями, изложенными в пункте 73 постановления Пленума ВС РФ № 9, согласно которым обращение наследников в суд с требованиями, основанными на правах и обязанностях

[24] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 9.

наследодателя, не влечет изменения установленных сроков исковой давности и порядка их исчисления.

В рассматриваемом случае обязательство по оплате работ по спорным договорам субподряда возникло и стало известно первоначальному кредитору в июне 2016 года, о чем свидетельствуют подписанные сторонами акты приемки и сверки взаимных расчетов. Следовательно, течение трехгодичного срока исковой давности началось с этой даты и истекло в июне 2019 года.

Единственный участник и руководитель кредитора, чьим наследником является заявитель, умер в декабре 2020 года, то есть после истечения срока исковой давности. Таким образом, на момент открытия наследства право требования уже не могло быть принудительно осуществлено в судебном порядке. Правопреемник (наследник) приобретает право в том состоянии, в котором оно существовало у правопредшественника, включая связанные с ним ограничения, такие как истечение срока исковой давности.

Выводы судов нижестоящих инстанций об исчислении нового срока исковой давности с момента осведомленности наследника противоречат вышеуказанным нормам материального права и разъяснениям высшей судебной инстанции.

Поскольку заявление о применении последствий пропуска срока исковой давности сделано надлежащим образом, а само требование утратило возможность принудительной защиты еще до перехода к правопреемнику, оснований для его удовлетворения и включения в реестр требований кредиторов должника не имелось.

Рассмотрение дел, возникающих из публичных правоотношений

Сам по себе факт получения уведомления накануне составления протокола и (или) рассмотрения дела об административном правонарушении не может рассматриваться в качестве безусловного основания для признания порядка привлечения к административной ответственности нарушенным, если такое извещение не лишило лицо возможности участвовать в совершении соответствующих процессуальных действий и не повлияло на реализацию его процессуальных прав.

18. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.10.2025 № Ф09-4352/25 по делу № А07-5104/2025.

Часть 1 статьи 25.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[25].

Антимонопольный орган, установив факт нарушения законодательства о защите конкуренции со стороны органа местного самоуправления, выдал предписание об устранении данных нарушений, срок исполнения которого в дальнейшем продлевался. В связи с непринятием мер по исполнению

[25] Далее – КоАП РФ.

предписания в установленный (продленный) срок антимонопольный орган вынес постановление о привлечении органа местного самоуправления к административной ответственности, предусмотренной частью 2.6 статьи 19.5 КоАП РФ, что послужило основанием для обращения последнего в арбитражный суд с заявлением об отмене данного постановления.

Суд первой инстанции в удовлетворении заявления отказал, придя к выводу о доказанности в действиях органа местного самоуправления состава вмененного административного правонарушения. При этом суд отметил отсутствие процессуальных нарушений, которые могли бы помешать объективному, полному и всестороннему рассмотрению дела об административном правонарушении.

Суд апелляционной инстанции, соглашаясь с выводами о наличии состава правонарушения, решение суда первой инстанции отменил, признав постановление антимонопольного органа незаконным по мотиву ненадлежащего (незаблаговременного) извещения органа местного самоуправления о времени и месте составления протокола и рассмотрения дела об административном правонарушении.

Суд округа постановление суда апелляционной инстанции отменил, оставив в силе решение суда первой инстанции, по следующим основаниям.

По смыслу положений части 1 статьи 25.1, статьи 25.15, частей 4 и 4.1 статьи 28 КоАП РФ, а также разъяснений пункта 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26.07.2007 № 46 «О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 02.06.2004 №10 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях» при составлении протокола об административном правонарушении, вынесении постановления о привлечении к административной ответственности должностные лица, уполномоченные на это действие, обязаны обеспечить соблюдение прав лица, привлекаемого к административной ответственности, в частности, известив это лицо о времени и месте составления протокола и рассмотрения дела об административном правонарушении с использованием любых доступных средств связи, позволяющих контролировать получение информации лицом, которому оно направлено.

Неизвещение лица, привлекаемого к административной ответственности, о времени и дате составления протокола об административном правонарушении, о времени и месте вынесения постановления о привлечении к административной ответственности является существенным нарушением порядка привлечения к административной ответственности, поскольку лицо, привлекаемое к ответственности, в таком случае лишается предоставленных КоАП РФ процессуальных прав и гарантий защиты: прав на ознакомление с материалами дела, дачу объяснений и представление доказательств, на заявление ходатайств и отводов, использование юридической помощи защитника.

Из установленных судом первой инстанции обстоятельств следует, что орган местного самоуправления был извещен о времени и месте составления протокола и рассмотрения дела об административном правонарушении и участвовал в производстве по делу, представляя возражения на протокол и ходатайства, что свидетельствует о фактической реализации им соответствующих процессуальных прав.

Между тем мотивы, по которым суд апелляционной инстанции не согласился с выводами суда первой инстанции, равно как и обоснование критерия незаблаговременности извещения при наличии фактического участия заявителя в административном производстве, в апелляционном постановлении не приведены, что послужило основанием для отмены данного судебного акта и оставления в силе решения суда первой инстанции.

Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов и иных маломобильных групп населения к помещениям многоквартирного дома возлагается на лицо, осуществляющее деятельность по управлению многоквартирным домом.

19. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.12.2025 № Ф09-4643/25 по делу № А60-51083/2024.

Часть 2.3 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации[26]*;*

подпункт «в» пункта 10 Правил содержания имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491.

Департамент государственного жилищного и строительного надзора субъекта Российской Федерации в ходе проведения контрольных мероприятий в отношении организации, осуществляющей управление многоквартирным домом, выявил нарушения обязательных требований, связанных с обеспечением доступности пользования маломобильными группами населения помещениями многоквартирного дома, выразившиеся в отсутствии пандуса у входа в подъезд со стороны улицы, а также в несоответствии установленным требованиям пандуса, обустроенного со стороны внутреннего двора, угол наклона которого не обеспечивает безопасный спуск и подъем. По результатам проверки управляющей организации выдано предписание об устранении выявленных нарушений в установленный срок, с чем последняя не согласилась и обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании предписания недействительным.

Суд первой инстанции, выводы которого поддержали суды апелляционной и кассационной инстанций, в удовлетворении заявленного требования отказал на основании следующего.

Исходя из системного толкования положений частей 1, 2.3 статьи 161 ЖК РФ в их взаимосвязи с нормой подпункта «в» пункта 10 Правил содержания имущества в многоквартирном доме, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491, обязанность по

[26] Далее – ЖК РФ.

содержанию общего имущества многоквартирного дома в состоянии, обеспечивающем доступность пользования жилыми и (или) нежилыми помещениями, помещениями общего пользования, а также земельным участком, на котором расположен многоквартирный дом, в том числе для инвалидов и иных маломобильных групп населения, с соблюдением установленных законодательством требований возлагается на организацию, осуществляющую деятельность по управлению многоквартирным домом.

Правила обеспечения условий доступности для инвалидов жилых помещений и общего имущества в многоквартирном доме, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 09.07.2016 № 649, конкретизируют содержание обязанности по обеспечению доступности и предусматривают необходимость приспособления общего имущества в многоквартирном доме, в котором проживает инвалид, с учетом его потребностей, включая требования к территории, прилегающей к многоквартирному дому, входным группам, лестницам и пандусам (пункты 2, 23-31).

Таким образом, управляющая организация обязана обеспечивать беспрепятственный доступ маломобильных групп населения, в том числе инвалидов, а также любым нуждающимся собственникам и пользователям помещений к жилым и (или) нежилым помещениями, помещениями общего пользования в многоквартирном доме, и земельным участком, на котором он расположен.

В рассматриваемом случае, установив отсутствие соответствующего нормативным требованиям пандуса у входа в подъезд многоквартирного дома со стороны улицы, а также несоответствие установленным требованиям пандуса со стороны внутреннего двора, суды пришли к выводу о неисполнении управляющей организацией возложенной на нее законом обязанности по обеспечению доступности общего имущества многоквартирного дома для маломобильных групп населения.

Оценивая доводы управляющей организации об отсутствии у нее права самостоятельно осуществлять работы по установке либо переустройству пандусов без решения общего собрания собственников помещений, суды указали, что в силу части 4.1 статьи 36 ЖК РФ приспособление общего имущества для обеспечения беспрепятственного доступа инвалидов допускается без принятия такого решения, если соответствующие работы осуществляются без привлечения денежных средств собственников. При этом управляющая организация не лишена возможности инициировать проведение общего собрания собственников в случае необходимости привлечения их средств, что свидетельствует об исполнимости выданного предписания.

С учетом установленных обстоятельств выданное Департаментом предписание соответствует требованиям законодательства и направлено на восстановление нарушенных прав неопределенного круга лиц, в связи с чем оснований для признания его недействительным не имеется.

Споры, связанные с применением процессуального законодательства

Требование об освобождении от ареста нескольких объектов недвижимости, вытекающее из общего основания, представляет собой единое требование имущественного характера, не подлежащее оценке. Государственная пошлина по такому требованию уплачивается в размере, предусмотренном для подачи искового заявления имущественного характера, не подлежащего оценке.

20. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.12.2025 № Ф09-5494/25 по делу № А07-8084/2025.

Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»[27].

Юридическое лицо обратилось в арбитражный суд с иском к лицу, которому имущество передано в оперативное управление, и судебному приставу-исполнителю об освобождении от ареста семи зданий, находящихся в его собственности.

Суд первой инстанции оставил исковое заявление без движения, указав, что государственная пошлина должна быть уплачена в размере 350 000 рублей (по 50 000 рублей за каждое требование), поскольку в заявлении объединено несколько взаимосвязанных требований неимущественного характера, каждое из которых в силу подпункта 1 пункта 1 статьи 333.22 Налогового кодекса Российской Федерации[28] облагается государственной пошлиной самостоятельно. После уплаты истцом 50 000 рублей и представления платежного документа суд возвратил исковое заявление, посчитав нарушение неустраненным. Апелляционный суд поддержал позицию суда первой инстанции.

Суд округа судебные акты отменил и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, исходя из следующего.

В соответствии с пунктом 6 постановления Пленума ВС РФ № 50 дела по искам об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) являются спорами по требованиям имущественного характера, не подлежащим оценке. При предъявлении соответствующих исковых заявлений государственная пошлина уплачивается в размере, предусмотренном подпунктом 4 пункта 1 статьи 333.21 НК РФ, который для организаций составляет 50 000 рублей.

В рассматриваемом случае основанием для предъявления исковых требований является оспаривание правомерности наложения ареста на имущество, принадлежащее истцу на праве собственности и переданное им в оперативное управление соответчику, в рамках исполнительных производств, по которым истец не является должником, при этом указанное основание является общим для всех спорных объектов.

---

[27] Далее – постановление Пленума ВС РФ № 50.
[28] Далее – НК РФ.

Само по себе указание в исковом заявлении нескольких объектов недвижимости не влечет трансформации единого требования об освобождении имущества от ареста в совокупность самостоятельных требований, поскольку множественность объектов не изменяет правовую природу заявленного требования, сохраняющего имущественный характер и не подлежащего оценке.

В связи с этим положения подпункта 1 пункта 1 статьи 333.22 НК РФ, устанавливающие уплату государственной пошлины за каждое самостоятельное требование при объединении неимущественных требований, в данном случае неприменимы.

При таких обстоятельствах с учетом представления истцом в установленный судом первой инстанции срок платежного поручения об уплате государственной пошлины в размере 50 000 рублей предусмотренные пунктом 4 части 1 статьи 129 АПК РФ основания для возвращения искового заявления у суда первой инстанции отсутствовали.